

Менгеру не суждено было осуществить замысел последних лет своей жизни и завершить большой трактат, который, как он надеялся, должен был увенчать его труды. Но он должен был быть удовлетворен тем, что его ранние работы принесли такие богатые плоды, и он до самого конца сохранял сильную и неослабевающую привязанность к избранному объекту исследований. Человек, который мог однажды сказать, как говорят о нем, что если бы у него было семь сыновей, они все бы занимались изучением экономики, вероятно, был необычайно счастлив в своей работе. Свидетельством его дара внушать схожий энтузиазм своим ученикам служит то, что многие выдающиеся экономисты с гордостью называют его своим учителем.

ПРИЛОЖЕНИЕ

МЕСТО «GRUNDSÄTZE» МЕНГЕРА В ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ⁷⁶

Grundsätze появились в 1871 году, спустя всего 95 лет после выхода в свет «Богатства народов», 45 лет после издания «Начал» Рикардо и каких-то 23 лет после пересмотра Дж. С. Миллем классической экономической теории. Об этих интервалах следует помнить, чтобы не кичиться современной экономической теорией (100 лет спустя), которая должна была добиться большего, чем она смогла добиться на самом деле. В конце этого столетия произошла еще одна революция, которая привела к смещению интереса к аспектам экономического анализа, слабо разрабатывавшимся в начале столетия, когда влияние работ Менгера было особенно велико. Тем не менее, в долгосрочной перспективе «микроэкономический» этап, который во многом обязан Менгеру, оказался достаточно продолжительным. На него пришлось более четверти от тех почти двух веков, что отделяют нас от Адама Смита.

der Volkwirtschaft (Vienna: Braumuller and Seidel, 1846). Однако среди источников не встречается работа автора, который наиболее полно предвосхитил его: Gossen, *Entwicklung der Gesetze des menschlichen Verkehrs* (Braunschweig: Bieweg, 1854). — *Ред.*]

⁷⁶ [Опубликовано в: J.R. Hicks and W. Weber, eds., *Carl Menger and the Austrian School of Economics*, op. cit., pp. 1–14. В сокращенном виде опубликовано также на немецком: «Die Stellung von Mengers «Grundsätzen» in der Geschichte der Volkwirtschaftslehre», *Zeitschrift für Nationalökonomie*, vol. 32, no. 2, 1972, pp. 3–9. — *Ред.*]

Чтобы по достоинству оценить Менгера, важно также избежать недооценки того, что было достигнуто до него. Было бы ошибкой считать, что предшествующий период – 1820–1870-е годы – был временем господства рикардианской ортодоксии. Во всяком случае, первое поколение после Рикардо имело множество новых идей. И в классической экономической теории, окончательно изложенной Дж. С. Миллем, и даже вне ее было накоплено множество инструментов анализа, позволивших более поздним поколениям выстроить проработанную и последовательную структуру теории после того, как идея предельной полезности стала основой объединения. Если и можно говорить о каком-то господстве квазирикардианской ортодоксии, то только после ее убедительного пересмотра Дж. С. Миллем. Но даже его «Основы» содержат важные идеи, которые идут намного дальше Рикардо. И даже до публикации этой работы существовали важные достижения, которые не были включены Миллем в его синтез. И речь идет не только о важных работах Курно, Тюнена и Лонгфилда по теории цен и предельной производительности, но и множестве других выдающихся исследований, посвященных спросу и предложению, не говоря уже о первых попытках анализа с точки зрения предельной полезности, которые остались тогда незамеченными и только позднее были обнаружены в работах Ллойда, Дюпюи и Госсена. Таким образом, уже была накоплена большая часть того материала, который рано или поздно неизбежно был бы использован кем-то для создания новой экономической теории, что, в конечном итоге, и сделал Альфред Маршалл, и можно предположить, что отсутствие маржиналистской революции не так уж сильно сказалось бы на результатах его работы.

То, что реакция на классическую экономическую теорию приняла известную нам форму и что почти в то же самое время Уильям Стенли Джевонс в Англии, Карл Менгер в Вене и Леон Вальрас в Лозанне сделали субъективную ценность благ для индивидов отправной точкой для своих построений, возможно, обусловлено именно открытым возвратом Милля в своей теории ценности к точке зрения Рикардо. На самом деле работы Менгера и Вальраса по теории ценности были не так сильно связаны с реакцией на Милля, как в случае с Джевонсом. Но то, что стало очевидным у Милля, а именно отсутствие у него общей теории ценности, которая объясняла бы определение всех цен единым принципом, можно было сказать обо всех системах и учебниках по экономической теории, которые широко использовались на континенте. Хотя во многих из них содержался анализ факторов, способствующих установлению цен в отдельных случаях, в них отсутствовала общая теория, позволявшая подвести под нее отдельные случаи. То же относится и к аппарату кривых спроса и предложения, который только начал тогда использоваться; воз-

можно, стоит отметить, что издание немецкого учебника Карла Генриха Рау, который Менгер тщательно изучил перед написанием *Grundsätze*, содержало в конце диаграммы с использованием этих кривых. Но, в целом, преобладающие теории предлагали различные объяснения формирования цен на прирастающие и неприрастающие блага; и в случае первых цены продуктов связывались с издержками производства, то есть с ценами используемых факторов, которым, в свою очередь, не давалось соответствующего объяснения. Такую теорию едва ли можно назвать удовлетворительной. На самом деле довольно трудно понять, как такой проницательный и честный в интеллектуальном отношении ученый, как Дж. С. Милль, мог заявить относительно наиболее слабой части своей системы, что «в законах стоимости нет ничего, что осталось бы выяснить современному или любому будущему автору; теория этого предмета является завершённой»⁷⁷. Многим критически настроенным мыслителям того времени было совершенно очевидно, что такое основание всего здания экономической теории было неудовлетворительным.

Тем не менее, было бы несправедливо утверждать, что всеобщее разочарование в распространенной экономической теории, наступившее вскоре после громкого успеха работы Милля, целиком или в значительной степени было вызвано этой ошибкой. Были и другие обстоятельства, которые пошатнули доверие к экономической теории, столь успешно завладевшей общественным мнением предыдущего поколения, например — в случае Милля — его отказ от теории фонда заработной платы, которая играла важную роль в его работах и которую ему нечем было заменить. К тому же, выросло влияние исторической школы, которая сомневалась в целесообразности попыток создания общей теории экономических явлений. И факт, что выводы преобладающей экономической теории казались помехой новым социальным ожиданиям, вызвал враждебность к ней, которая обнаружила большинство ее несомненных недостатков.

Но, хотя иногда утверждалось обратное, я не могу найти свидетельства того, что Джевонс, Менгер или Вальрас в своих попытках перестроить экономическую теорию были движимы желанием заново утвердить практические выводы классических экономистов. Напротив, их симпатии были на стороне движений за социальные реформы той поры. На мой взгляд, их научная работа основывалась на осознании недостаточности преобладающей теории для объяснения того, как на самом деле действует рыночный порядок. А источником вдохновения во всех трех случаях, по-видимому, была интеллектуальная традиция, которая, по крайней мере со времен Фердинандо Галиани в XVIII веке, развивалась бок о бок с

⁷⁷ Милль Дж. С. *Основы политической экономии*. Т. 2. М.: Прогресс, 1980. С. 172.

теориями труда и издержек, восходящими к Джону Локку и Адаму Смиту. У меня нет возможности излагать здесь теперь уже достаточно хорошо изученную историю этой традиции полезности в теории ценности. И хотя в случае Джевонса и Вальраса их опора на отдельных ранних авторов достаточно очевидна, в случае Менгера не так просто отыскать того, кому он обязан решающими выводами. Конечно, в целом немецкая литература, от которой он отталкивался вначале, уделяла больше внимания отношениям между ценностью и полезностью, чем английские авторы. Тем не менее, ни одна из известных ему работ не подходила и близко к найденному им в конечном итоге решению проблемы; и кажется очевидным, что до написания *Grundsätze* он не был знаком с единственной немецкой работой, во многом предвосхитившей его выводы, а именно — работой Германа Генриха Гюссена. И вряд ли его окружение, в лице коллег и учеников, могло способствовать изучению интересовавших его проблем. По-видимому, он работал в полной изоляции и в старости с сожалением рассказывал молодым экономистам, что во времена его молодости у него не было возможностей для обсуждения, которыми располагают последующие поколения⁷⁸. И Вена тогда действительно была не тем местом, откуда можно было ожидать серьезного вклада в экономическую теорию.

Но мы слишком мало знаем о молодых годах и образовании Менгера, и можно только сожалеть, что представители австрийской школы сделали так мало для того, чтобы пролить свет на эти вопросы⁷⁹. То немногое, что сделано на сегодняшний день для прояснения истоков и истории его идей, было сделано за пределами Австрии и вряд ли может заменить работу с местными источниками⁸⁰. Даже если материала для подробной био-

⁷⁸ Ludwig von Mises, *The Historical Setting of the Austrian School of Economics*, op. cit., p. 10.

⁷⁹ Мой собственный [переизданный здесь] очерк жизни Менгера, написанный в 1934 году в Лондоне в качестве предисловия к его собранию сочинений, не способен заполнить этот пробел. Тогда была сделана только компиляция данных, доступных из письменных источников, дополненная информацией, предоставленной сыном Менгера и некоторыми его учениками.

⁸⁰ См.: George J. Stigler, «The development of utility theory», *Journal of Political Economy*, vol. 58, 1950, переиздано в: George J. Stigler, *Essays in the History of Economics* (Chicago: University of Chicago Press, 1965); Richard S. Howey, *The Rise of Marginal Utility School 1870–1880* (Lawrence, Kans.: University of Kansas Press, 1960); Reginald Hansen, «Der Methodenstreit in den Socialwissenschaften zwischen Gustav Schmoller und Karl Menger: seine wissenschaftshistorische und wissenschaftstheoretische Bedeutung», in Alwin Diemer, ed., *Beiträge zur Entwicklung der Wissenschaftstheorie im 19. Jahrhundert* (Meisenheim am Glan: A. Hain, 1968); а также работы Эмиля Каудера, приведенные в следующем примечании.

графии Менгера не существует вовсе, следует по возможности создать более четкую, чем имеется у нас сейчас, картину интеллектуальной основы его исследований и ранних работ. Здесь мне приходится ограничиться изложением немногочисленных важных сведений, большинством которых я обязан публикациям профессора Эмиля Каудера⁸¹.

В Австрии не было такой моды на экономическую теорию Смита и такого безоговорочного принятия английских и французских экономических идей, как в большей части Германии в первой половине XIX века. Вплоть до середины 1840-х годов экономика в австрийских университетах изучалась по камералистскому учебнику XVIII века Йозефа фон Шоненфельса. И только в 1846 году на смену ему пришел учебник Д. Кудлера *Grundlehren der Volkswirtschaft*, по которому, по-видимому, учился и Менгер. В этой работе он должен был найти исследование связи между ценностью и полезностью и особенно значения потребностей различной остроты, удовлетворяемых различными благами. Однако у нас нет свидетельств того, что после окончания учебы в университете Менгер начал всерьез интересоваться этими проблемами. Говорят, что, по его словам, интерес пробудился в нем во время написания, будучи молодым чиновником, отчетов о состоянии рынка, когда он осознал, насколько мало устоявшаяся теория помогает объяснить изменения цен. Самые ранние сохранившиеся заметки в его экземпляре упомянутого ранее учебника Рау говорят о том, что к 1867 году, то есть в возрасте 27 лет, он уже начал всерьез задумываться над этими вопросами и довольно близко подошел к своему окончательному решению. Эти обширные записи на полях его экземпляра книги Рау, которые вместе с экономической частью библиотеки Менгера хранятся в токийском университете Хитоцубаси, изданы японцами при участии профессора Каудера под заглавием «Первый набросок *Grundsätze*»⁸², что вряд ли соответствует действительности. Хотя они показывают, что он уже пришел к своей идее зависимости ценности блага для индивида от определенных желаний, удовлетворению которых они служат; хотя в них явно видно недовольство неопределенными замечаниями по этому пово-

⁸¹ Emil Kauder, «The retarded acceptance of marginal utility theory», *Quarterly Journal of Economics*, vol. 67, 1953, pp. 564–575; «Intellectual and Political Roots of the older Austrian school», *Zeitschrift für Nationalökonomie*, vol. 17, 1958, pp. 411–425; «Menger and his library», op. cit.; «Aus Mengers nachgelassenen Papieren», op. cit.; and *A History of Marginal Utility Theory* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1965).

⁸² «Carl Menger erster Entwurf zu seinem Hauptwerk “Grundsätze” geschrieben als Anmerkungen zu den “Grundsätzen Volkswirtschaftslehre” von Karl Heinrich Rau», op. cit., а также «Carl Menger Zusätze zu Grundsätze der Volkswirtschaftslehre», op. cit.

ду, что понятно для человека, который пришел к четкому осознанию проблемы; они по-прежнему (возможно, даже неизбежно) далеки от методического подхода, которым отличаются *Grundsätze*. Я полагаю, что, судя по ссылкам на известную немецкую полемику, приводимым в примечаниях, работа над книгой на самом деле велась между 1867 и 1871 годами.

Столь убедительным изложение *Grundsätze* делает его последовательная неторопливость приближения к основной проблеме. Менгер определяет свойства сначала полезных объектов, затем благ, затем редких или экономических благ, и только после этого он переходит к факторам, определяющим ценность; потом он подходит к определению способности благ к сбыту (с различными степенями этой способности), что в конечном итоге подводит его к деньгам. И каждый раз Менгер подчеркивает (в манере, которая вполне может показаться современному читателю, для которого такие вещи стали общим местом, слишком скучной), что все эти свойства зависят от: 1) потребностей действующего человека; 2) его знания фактов и обстоятельств, в силу которых удовлетворение его потребностей зависит от этого конкретного объекта. Он не устает замечать, что эти свойства не присущи вещам (или услугам) самим по себе; что они являются не свойствами, которые могут быть открыты в результате изучения изолированных вещей. Они полностью зависят от отношений между вещами и людьми, которые предпринимают действия по отношению к ним. Именно люди, исходя из знания своих субъективных потребностей и объективных условий для удовлетворения этих потребностей, приписывают физическим вещам особую важность.

Наиболее очевидным результатом такого анализа является, конечно, решение старого парадокса ценности благодаря проведению различия между общей и предельной полезностью благ. Менгер еще не использует термин «предельная полезность», который (или, точнее, его немецкий эквивалент *Grenznutzen*) был введен только тринадцать лет спустя Фридрихом фон Визером. Но он достаточно четко проводит различие, показывая на простейшем из всех возможных примере данного количества определенного потребительского блага, которое может быть использовано для удовлетворения различных потребностей (острота каждой из которых снижается по мере удовлетворения), что важность любой единицы блага зависит от последней потребности, для удовлетворения которой достаточно имеющегося количества. Но если бы он на этом остановился, он продвинулся бы не дальше, чем некоторые его предшественники, работы которых остались ему неизвестными, а влияние его вряд ли оказалось бы больше, чем у них. То, что позднее было названо (Визером) двумя законами Госсена, а именно — снижение полезности последовательного удовлетворения какой-либо потребности и уравнивание различных по-

требностей, для удовлетворения которых может быть использовано данное благо, — для Менгера были всего лишь отправной точкой для применения тех же основных идей к более широкому комплексу отношений.

Преимущество анализа Менгера по сравнению с тем, чего достигли его предшественники, заключается в систематическом применении основной идеи к ситуации, в которой удовлетворение потребности только косвенно (или частично) зависит от определенного блага. Тщательное описание причинных связей между благами и удовлетворением потребностей, которому они служат, позволяет Менгеру показать такие базовые отношения, как комплиментарность потребительских благ и факторов производства, различие между благами низшего и высшего порядка, изменчивость пропорций, в которых могут быть использованы факторы производства, и, наконец, самое важное — определение издержек через полезность, которой могут обладать блага при альтернативном использовании. Именно в этом распространении выведения ценности блага из его полезности со случая с заданным количеством потребительских благ на общий случай всех благ, включая факторы производства, и состоит главная заслуга Менгера.

Таким образом, положив в качестве основы для своего объяснения ценности благ определенную типологию возможных структур отношений средств и целей, Менгер установил фундамент того, что позднее было названо чистой логикой выбора или экономическим расчетом. Она содержит, по крайней мере, элементы анализа поведения потребителя и производителя — двух важнейших составляющих современной микроэкономической теории. Но его непосредственные последователи разрабатывали главным образом поведение потребителя и не развили встречающиеся у Менгера размытые указания на анализ предельной производительности, важный для правильного понимания поведения производителей. Разработка серьезного дополнения — теории фирмы — была оставлена на откуп Альфреду Маршаллу и его школе. Тем не менее, сделанного Менгером достаточно, чтобы утверждать, что он предложил все основные элементы для достижения своей главной цели — объяснения цен, которое нельзя выводить из анализа поведения отдельных участников рыночного процесса.

Последовательное использование рационального поведения индивидов в качестве строительных элементов моделей сложных рыночных структур составляет суть метода, который сам Менгер назвал «атомистическим» (или иногда в рукописных заметках «композитивным») и который позднее стал известен под названием методологического индивидуализма. Его суть лучше всего выражена в ярком высказывании в предисловии к *Grundsätze*, где он говорит, что его цель состоит в том,

чтобы «свести сложные явления человеческого хозяйства к их простейшим элементам, еще доступным точному наблюдению». И хотя он подчеркивает, что при этом он использует эмпирический подход, общий для всех наук, одновременно он утверждает, что, в отличие от физических наук, которые разлагают непосредственно наблюдаемые явления на гипотетические составляющие, в социальных науках мы отталкиваемся от знакомых элементов и используем их для построения моделей возможных конфигураций сложных структур, которые они могут образовывать и которые не столь доступны непосредственному наблюдению, как сами элементы.

Это поднимает множество важных вопросов, наиболее трудные из которых я лишь вкратце затрону. Менгер полагает, что, наблюдая за действиями других людей, мы способны *понимать* значение таких действий, чего нельзя сказать о физических событиях. Это тесно связано с одним из смыслов, в котором, по крайней мере, некоторые из последователей Менгера говорили о «субъективном» характере своих теорий, подразумевая, среди прочего, что они основываются на нашей способности понимать внутреннее значение наблюдаемых действий. Термин «наблюдение», таким образом, используется Менгером в таком значении, с которым не согласились бы современные бихевиористы; и он предполагает *Verstehen* («понимание») в том смысле, который позднее был вложен в это понятие Максом Вебером. Мне кажется, что еще многое можно сказать в защиту первоначальной позиции Менгера (и австрийской школы в целом) по этому вопросу. Но поскольку позднее развитие техники кривых безразличия и особенно подхода «явных предпочтений», которые были созданы для того, чтобы избежать опоры на такое интроспективное знание, показали, что, по крайней мере, в принципе гипотеза об индивидуальном поведении, востребованная микроэкономической теорией, может излагаться независимо от этих «психологических» посылков, я оставляю этот важный вопрос и обращаюсь к еще одной трудности, связанной с приверженностью методологическому индивидуализму во всех его разновидностях.

Дело, конечно, в том, что если мы попытаемся вывести из нашего знания индивидуального поведения определенные предсказания об изменениях сложных структур, которые образуются в результате индивидуальных действий, нам необходимо будет иметь полную информацию о поведении каждого отдельного индивида. Менгер и его последователи, конечно, осознавали, что получить такую информацию невозможно. Но они явно считали, что обычное наблюдение дает нам достаточно полный перечень различных *типов* вероятного индивидуального поведения и даже достаточно знание вероятности возникновения определенных типичных ситуаций. Они пытались доказать, что, отталкиваясь от

этих известных элементов, можно будет показать, что они ведут к образованию одних определенных структур. В этом смысле такая теория позволяет предсказать появление фальсифицируемых структур. Но на самом деле такие предсказания будут относиться только к определенным свойствам, которыми такие структуры обладают, или обозначать некие пределы, в которых эти структуры могут варьироваться, и редко, если такое вообще будет происходить, предсказывать отдельные события или изменения в этих структурах. Чтобы вывести такие предсказания отдельных событий из подобной микротеории, нам необходимо знать не только типы отдельных элементов, из которых состоят сложные структуры, но и особые свойства каждого отдельного элемента, входящего в состав особой структуры. Микроэкономическая теория, по крайней мере, если не считать тех случаев, когда она использует более или менее убедительные — *ceteris paribus* — послышки, ограничивается тем, что я назвал в другом месте «структурными предсказаниями» — предсказаниями определенных структур, которые могут быть образованы из доступных элементов. Это ограничение способности конкретного предсказания, которое, на мой взгляд, справедливо для всех теорий, относящихся к явлениям, обладающих тем, что Уоррен Уивер назвал «организованной сложностью» (в отличие от явлений неорганизованной сложности, где мы можем заменить информацию об отдельных элементах статистически установленными вероятностями появления определенных элементов)⁸³, относится и к большей части микроэкономической теории. Позиция, которая преобладает здесь, прекрасно иллюстрируется часто цитируемым высказыванием В. Парето об ограниченной применимости системы уравнений, посредством которых школа Вальраса описывает состояние равновесия всей экономической системы. Он недвусмысленно заявляет, что эти системы уравнений «никоим образом не имеют целью точное вычисление цен» и что было бы «абсурдно» предполагать, что мы можем знать все особые обстоятельства, от которых зависят эти конкретные величины⁸⁴.

На мой взгляд, Карл Менгер вполне осознавал ограниченность предсказательной способности изложенной им теории и был удовлетворен ею, потому что считал, что большего в этой области достичь невозможно. Мне кажется, что в скромности поставленной задачи, ограничивающейся стремлением указать лишь некие пределы, в которых могут колебаться цены, присутствует определенный освещающий реализм. Даже непри-

⁸³ Warren Weaver, «Science and Complexity», *The Rockefeller Foundation Annual Report*, 1958.

⁸⁴ Vilfredo Pareto, *Manuel d'économie politique*, second edition (Paris: M. Giard, 1927), p. 223.

язнь Менгера к использованию математики кажется мне направленной против притязаний на большую точность, чем та, которую он считал достижимой. С этим также связано и отсутствие в работах Менгера понятия общего равновесия. Если бы он развил свою мысль дальше, вероятно, стало бы более ясно, чем во вводной части (*Grundsätze*), что он ставит перед собой целью создание инструментов скорее для того, что мы теперь называем анализом процессов, чем для теории статического равновесия. В этом отношении его работа и работа австрийской школы вообще, конечно, совершенно отличается от общего представления об экономической системе в целом, которое дает нам Вальрас.

Ограничение предсказательной способности, о котором говорилось ранее, на мой взгляд, применимо ко всему корпусу микротeorии, которая постепенно была построена на основе анализа предельной полезности. В конечном итоге, именно желание достичь большего, чем такая скромная цель, привело к росту неудовлетворенности подобной микротeorией и попыткам заменить ее теорией иного рода.

Прежде чем обратиться к этой реакции против того типа теории, прообразом которой служили работы Менгера, следует также сказать несколько слов о том любопытном влиянии, которым обладал Менгер во время своей наибольшей известности. Наверное, немногие книги оказали столь же значительное влияние, как *Grundsätze*, хотя его работа была прочитана сравнительно небольшим числом людей. Влияние работы было главным образом косвенным; и она стала значимой только по прошествии значительного времени. Хотя маржиналистская революция обычно датируется годом выхода работ Менгера и Дживонса, на протяжении последующих десяти лет бесполезно искать в литературе следы оказанного ими воздействия. О книге Менгера известно, что поначалу у нее было совсем не много внимательных читателей, среди которых не только Евгений Бём-Баверк и Фридрих фон Визер, но и Альфред Маршалл⁸⁵; но только с выходом в середине 1880-х годов работ Бём-Баверка и Визера, основанных на идеях Менгера, они начали широко обсуждаться. Только с этого времени можно начинать отсчет маржиналистской революции в экономической теории. И работами, широко читавшимися в это время, были именно их работы, а не работа Менгера. И если книги первых были вскоре переведены на английский, то работа Менгера восемьдесят лет ждала своего английского издания.

⁸⁵ На полях экземпляра *Grundsätze*, принадлежавшего Маршаллу и хранящегося в его библиотеке в Кембридже, содержатся подробные заметки, подытоживающие основные шаги аргументации, правда, без комментариев. Я полагаю, что они были написаны рукой самого Маршалла.

Возможно, такое запоздалое влияние работы Менгера также служит причиной того, почему сам Менгер вместо того, чтобы продолжить свои теоретические разработки, обратился к защите теоретического метода социальных наук в целом. Но ко времени, когда он начал свою вторую книгу «Исследования метода» (*Untersuchungen über die Methode der Socialwissenschaften*), которая вышла в 1883 году, у него должно было сложиться впечатление, что его первая книга не оказала никакого влияния; причем не потому, что ее сочли неверной, а потому, что экономисты того времени, по крайней мере в немецкоязычном мире, считали экономическую теорию в целом несущественной и неинтересной. Закономерно, хотя, возможно, и достойно сожаления, что в этих обстоятельствах Менгеру казалось более важным утверждение значимости теоретического анализа, а не завершение систематического изложения его теории. В результате распространением и развитием его теории почти полностью занимались более молодые представители австрийской школы, и не приходится сомневаться, что в течение пятидесяти лет, прошедших с середины 1880-х до середины 1930-х годов, они, по крайней мере за пределами Британии, в которой господствовали идеи Альфреда Маршалла, оказали огромное влияние на развитие того, что сейчас не вполне точно называют неоклассической экономической теорией. В этой связи у нас есть свидетельство Кнута Викселя, мнение которого представляется в данном случае наиболее авторитетным, потому что он одинаково хорошо знаком со всеми различными течениями маржиналистской теории, и который в 1921 году в некрологе Карлу Менгеру смог написать, что «после “Начал” Рикардо не было ни одной книги, которая оказала бы на развитие экономической науки такое большое влияние на экономическую науку, как *Grundsätze* Менгера»⁸⁶.

И если спустя пятьдесят лет такое утверждение вряд ли можно признать справедливым, то это, конечно, потому, что произошло общее смещение интереса с микро- на макроэкономику, связанное главным образом, хотя и не полностью, с работой лорда Кейнса. Некоторые сдвиги в этом направлении наблюдались еще до выхода «Общей теории»⁸⁷, и связаны они были главным образом с ростом неудовлетворенности той ограниченностью предсказательной способности микротeorии, о которой я уже говорил. Растущая потребность в более продуманном управлении экономическими процессами (которое требовало лучшего понимания особых последствий от конкретных мер) привела к попытке использовать доступные статистические данные в качестве основы для таких предсказаний. Это жела-

⁸⁶ Knut Wicksell, *op. cit.*, p. 118.

⁸⁷ [Кейнс Дж. М. *Общая теория занятости, процента и денег*. М.: Прогресс, 1978. — Ред.]

ние подкреплялось определенными методологическими представлениями, например, что для того, чтобы быть по-настоящему научной, теория должна вести к определенным предсказаниям, что она должна обращаться к измеримым величинам и что должна иметь место возможность для выявления связей между количественными изменениями статистически измеримых агрегатных показателей. Я уже отмечал, что, на мой взгляд, теория с куда более скромными целями все еще может оставаться проверяемой в том смысле, что она может быть опровергнута наблюдениями; и теперь мне бы хотелось добавить, что более амбициозные цели недостижимы. Но нельзя отрицать, что если бы можно было установить, что некоторые из таких связей действительно сохраняются на протяжении продолжительных промежутков времени, предсказательная способность и, следовательно, полезность экономической теории заметно бы возросли. Я не уверен, что за последние двадцать пять лет, несмотря на все усилия, направленные на достижение этой задачи, удалось достичь многого. Мне кажется, что вообще устойчивые связи ограничиваются условиями, которые должны определяться с микроэкономической точки зрения, и что в результате при вынесении суждения о сохранении таких количественных связей между агрегатными показателями нам необходимо будет опираться на макроэкономическую точку зрения. Следовательно, можно ожидать, что в будущем новым стимулом для дальнейшего развития макроэкономической теории послужат потребности макроэкономики.

Возможно, следует добавить, что наблюдающееся у многих молодых экономистов в последнее время явное отсутствие интереса к микротео­рии представляет собой следствие влияния особой формы макроэкономической теории. Она развивалась Кейнсом главным образом как теория занятости, которая, по крайней мере в самом начале, исходила из посылки о том, что существуют неиспользуемые резервы всевозможных факторов производства. Сознательное пренебрежение фактом редкости ресурсов привело к тому, что структура относительных цен стала считаться исторически предопределенной и не требующей теоретического объяснения. Возможно, подобная теория была справедливой в ситуации общей безработицы, которая имела место во время Великой депрессии. Но от нее не так уж много про­ка в ситуации с безработицей, которая имеет место сегодня и появится в будущем. Появление и рост безработицы в период инфляции⁸⁸ показывает, что безработица – это не просто функция общего спроса; она определяется структурой цен и производства, которую нам помогает понять только микротео­рия.

⁸⁸ [То есть инфляционного спада, того, что мы теперь называем «стагфляцией». – *Ред.*]

Мне кажется, что сейчас наблюдаются признаки возрождения интереса к подобного рода теории, который впервые достиг своей наивысшей точки в прошлом поколении, — в конце периода, когда влияние Менгера было весьма ощутимым. Конечно, к тому времени его идеи перестали быть собственностью австрийской школы и влились в общий корпус экономической теории, которая преподавалась почти во всем мире. Но хотя больше не существует особой австрийской школы, я полагаю, что по-прежнему существует особая австрийская традиция, которая, будем надеяться, внесет значительный вклад в дальнейшее развитие экономической теории. Продуктивность этого подхода еще далеко не исчерпана, и все еще существует много задач, которые она с успехом способна решить. Но эти задачи на будущее послужат предметом других статей. Здесь же я попытался дать очерк общей роли, которую идеи Менгера играли на протяжении ста лет, прошедших со времени выхода в свет его первой и наиболее важной книги. Надеюсь, что следующие статьи покажут, насколько сильным остается его влияние.